

Тюремный замок

Раз уж царь-пушка, как известно, ни разу не выстрелила, а царь-колокол ни разу не позвонил, то не грех и нашей Кузнецкой крепости продолжить этот “славный” ряд: ей так и не довелось проявить свои боевые качества.

Зато с момента своей достройки в 1820 году она на долгие четверть века стала неплохой синекурой для ленивых военных: представьте себе, можно было всю свою профессиональную жизнь проделывать “блистательную” офицерскую карьеру и аккуратно получать жалованье, ни разу не вынув сабли.

В крепости неотлучно несла службу местная воинская команда. В Кузнецке, как городе сугубо тыловом и далеком от всех рубежей, оставили только инвалидную команду старых солдат. Они попадали в крепость уже в преклонном возрасте, немощными, зачастую получив в минувших сражениях тяжелые увечья и раны. Между прочим, тогда “инвалид” звучало гордо - даже официальная газета военного министерства царской России называлась “Инвалид”. А кто не знает Парижский Дворец инвалидов?

Но, как и у Гоголя, ближе к середине XIX века из столицы в Кузнецк с инспекторской проверкой приехал ревизор. Да не какой-нибудь “елистратишко” Хлестаков, а brave штабс-капитан Лунерт. Он обошёл заросшие лебедой и полынью рвы, по лазил по стенам, осмотрел башни и арсенал. Итоги осмотра Лунерт скрывать не стал: “Толку в этой крепости никакого, военному ведомству она без надобности. - И тут же без излишних сантиментов добавил деловито: - Кирпич, железо, печные приборы можно оценить в 2500 рублей серебром”.

Сколько же “блистательных” карьер оборвалось! Сколько воинских судеб было испорчено! Тут же начался последовательный вывод из крепости военных подразделений. В 1846 году её вовсе сняли с баланса Военного министерства и передали Алтайскому горному ведомству, сохранив в ней только городскую тюрьму и лазарет. В 1857 году все здания крепости переданы в гражданское ведомство с уплатой Кабинету Его Величества 435 рублей серебром. И лишь в одном здании всё ещё продолжали обитать холостые нижние чины Кузнецкой инвалидной команды.

В 1865 году все крепостные строения, кроме тюремного острога и лазарета, были проданы “в частные руки на слом купцу Ивановскому”. Началось хищническое уничтожение крепости: по словам летописца Ивана Конюхова, ловкий купчина утащил отсюда 1700 листов кровельного железа и вывез десятки подвод крепкого малинового кирпича.

Спасением крепости от полного разрушения стала... тюрьма - крепость передали на баланс Министерству внутренних дел, которое переоборудовало часть крепости в Кузнецкий тюремный замок: две казармы стали казематами, а Подзорная башня - надзорной. На ней сидел стражник и следил за поведением “посидельцев” за частоколом. По прежнему назначению использовался пороховой погреб, а вот северную сортию замуровали и превратили в склад.

Но надо сказать, что тюремные традиции нашего города куда более древние. Уже задолго до этого в Кузнецкой крепости существовала съезжая изба, где не только находился воевода и сходилась вся переписка с волостей, но была и небольшая тюрьмишка, где

проводились дознания и пытки. Выражаясь “по фене”, тогдашняя съезжая изба - это нынешняя “пресс-хата”. Из окладной книги города Кузнецка за 1655 год видно, что тюремный сторож и палач получали с окладами по три рубля в год.

В тюрьме сидели не только преступники, но и вполне приличные люди - неплательщики налогов. Ведь одна из статей, по которой обычные крестьяне попадали в тюремный замок, - отказ от уплаты податей. Такие, как инородец Телеутской волости Прокопий Егорович Шадеев и крестьянин Игнатий Фёдорович Беляев, получили несколько месяцев тюрьмы. По действующим тогда законам на каторгу в наши места попадали только уроженцы Сибири, остальных неплательщиков мытари гнали на Сахалин. Все каторжане делились на “срочных” (от 5 до 15 лет отсидки) и “бессрочных” (до 20 лет). Все ссыльнокаторжные по истечении срока наказания, а бессрочные через двадцать лет переводились в разряд ссыльнопоселенцев.

Всего же в уезде действовала целая сеть тюрем, пересыльных и этапных пунктов. Историк Г.И. Артёмов нашёл “Общий очерк состояния Бачатской волости” за 1892 год: “...В Бачатах две катажки - женская и мужская. В отчётном году в ней содержалось 18 человек. Этапных зданий по тракту для арестантских партий - четыре, все они в должном порядке”. Были камеры и катажки и в остальных волостных селах - Караканском, Семенушкине (сейчас это разъезд 14-й километр), Старо-Пестеревском и других. Но всех оттуда везли в Кузнецкий тюремный замок.

Но всё же силами военных инвалидов охранять прожженных воров было трудновато. А оттого случались в кузнецкой тюрьме и побеги. В 1848 году за особо опасных злодеев - убийц и грабителей - отвечал тюремный надзиратель Иван Никифоров. А ведь накануне он упрашивал ефрейтора инвалидной команды Игнатия Осипова выделить конвой, но тому послать было некого и он заявил: “Сам и веди”. В придачу унтер-офицер - командир караульных - заболел и вместо него поставили рядового инвалида Андрея Подышного.

А арестантам всё это было как елей на душу - они и давай “слушать кукушку”, то бишь на тогдашнем воровском жаргоне готовить побег. 1 августа 1848 года из кузнецкой тюрьмы бежали Иван Бухтуев, Степан Некрасов, за плечами которых было немало грехов, а Некрасова и вовсе ждала бессрочная каторга. В камере сидел и третий арестант - Фёдор Ишанский. Но он уникальной возможностью бежать предпочёл не пользоваться, а отмотать свой срок до конца. Стражники и казаки искали беглых, но безрезультатно. 14 июля 1867 года из кузнецкой тюрьмы совершил дерзкий побег Дормидонт Степанович Литвинов. Он принадлежал к высшей касте тюремной иерархии - “иванам”. Только они имели право украшать ворот рубашки красной вышивкой. За какие заслуги? Да за множество... убийств. Потому в разное время он прошел немало сибирских тюрем. Его приговаривали к каторге, наказанию плетью, клеймению словом “ВОР” прямо на щеках и лбу. (Живи он веком раньше, в придачу вырвали бы клещами ноздри и отрезали язык.) В листке о розыске Дормидонта Литвинова в графе “Особые приметы” указаны знаки наказания от плетей на спине, на лице клейма “К.А.Т.” (каторжная Александровская тюрьма).

Вместе с Литвиновым бежал еще один кузнецкий арестант - бродяга Артемий Ефимович Ефимов: “Возраст 40 лет, рост 2 аршина и 7,5 вершка (аршин - 71,12 сантиметра, вершок - 4,45 сантиметра. - Авт.), лицом бел, волосы светло-русые, глаза сине-карие”. Приметы: следы плети, клейма на левой руке, ниже шеи и на спине “С” и “К” (“ссылка” и “каторга” - эти “тату” делали и в Кузнецкой тюрьме). С такими знаками не пошикуешь - вмиг “спалишься”.

Между тем побеги из кузнецкой тюрьмы продолжались. 4 сентября 1867 года “по слабости конвоя и ветхости острога” бежали арестант Фёдор Сидоренко, Иван Айков, Федот Жуковский, Иван Мальков и Владимир Непомнящий. И эти арестанты смогли уйти от погони - скрылись на безымянных заимках в дремучей тайге. 3 сентября 1870 года побег совершил инородец Телеутской волости Василий Михайлович Сарафанов.

В 1872 году созрела идея обустроить на месте башни надвратную церковь во имя покровителя Кузнецка Ильи-пророка. За дело взялся всё тот же купец Иван Иванович Ивановский, более известный, как сказано, своим мастерством разбрасывать камни (то бишь растаскивать кирпичи), нежели собирать их. Так и есть: в прямое нарушение строительного устава 1868 года, запрещавшего перестройку ворот старинных крепостей, он сломал верхний ярус Подзорной башни для сооружения на основании её второго этажа церкви для нужд тюрьмы. Но коль скоро он ещё строил и паперть к Одигитриевской церкви, проследить должным образом за качеством не смог - а работнички, не шибко пужаясь Ильи-громовержца, только и норовили приделать стройматериалам ноги и смастачить тяп-ляп. Тогда томский губернатор попросил заняться храмом почётного гражданина Томска купца Якова Ивановича Петрова, женатого на кузнечанке Марии Ивановне Ломшаковой. Томские резчики и позолотчики сделали иконостас, монахини Дивеевской пустыни написали иконы, а работники Петрова заново настелили полы и кровлю. Потратил Петров на это святое дело 15 тысяч рублей серебром. Ильинскую церковь освятил 20 июня 1876 года по благословию епископа Платона томский протоиерей Ефим Заксурцев и три диакона. Служили в храме по очереди батюшка из Преображенского собора Захарий Кротков и из Одигитриевского храма Евгений Тюменцев.

Снабжённый колокольной однокупольный храм обрёл запоминающийся, хотя и тяжеловесный облик, сродни известному памятнику царю-смирителю Александру III, который воцарился в это же время. Особо интересной была сама композиция храма, где в силу компактности объёма колокольня непосредственно соседствовала с купольным барабаном.

Основными богомольцами здесь стали заключённые. Своего причта в Пророко-Ильинском храме не было, и здесь попеременно служили священники двух указанных храмов.

В 1877 году была разобрана обветшавшая Вознесенская часовня и тут же рядом отстроена новая деревянная часовня на бутовом фундаменте.

Кузнецкий тюремный замок функционировал до 1919 года, когда захватившие Кузнецк партизаны-роговцы выпустили всех братьев-уголовников и сожгли тюрьму - видимо, памятуя о случае с Бастилией.

Общеизвестно, что опустевший и разорённый внутри храм ещё долгое время сохранял свой внешний облик, пока в 1935 году его не сожгли. Однако и после того, как сгорели деревянные купол с барабаном и шатёр колокольни, десятки лет

сохранялся сам мощный остов храма, служивший одним из символов нашего города и словно ждавший своего восстановления.

Однако весьма и весьма спорная почти мгновенная реставрация крепости в 1998 году вместо восстановления храма нанесла по нему последний и уже непоправимый удар: всё, что оставалось от храма (а оставалось немало), было варварски снесено - за несколько рабочих смен отбойными молотками был полностью стерт с лица земли заподлицо весь второй ярус башни. Скандал на тему "В Новокузнецке снесли храм" (подняли его, правда, не новокузнецкие, а кемеровские историки В. Тогулев и М. Кушникова) дошёл было до уровня патриарха, но тут включились, так сказать, специалисты: дескать, не храм снесён, а башня восстанавливается в первоначальном - дохрамовом - виде.

Такая методика представляется глубоко порочной. Да, до нас дошли каменные останки

башни не в первоначальном состоянии 1821 года, а результат глубокой перестройки башни 1876 года. Но разве подлинная башня со сводами из щербатого малинового кирпича 1876 года не ценнее новодела из облицовочного кирпича? Реставрационная наука уже давно дала ответ на этот вопрос: подлинные останки должны сохраняться максимально, а не минимально, а воссоздание самого первоначального облика совсем необязательно. Кроме того, в первоначальном виде крепость никто не помнит, зато ещё живы горожане, помнящие облик башни до пожара. И ещё немаловажный довод: затратив немалые средства на восстановление Подзорной башни, город получил в некотором смысле пустышку - верхние ярусы башни недоступны посетителям, они служат лишь декорацией (возможно, там что-то держат музейные сотрудники, но проникнуть на смотровую площадку автору сих строк категорически не удалось). А верни в эти - намоленные, между прочим, - стены церковную жизнь, восстанови надвратный храм Ильи-пророка - покровителя нашего города - и сама крепость обрела бы социальную, а не только музейную жизнь. Доброй традицией стало посещение крепости молодожёнами - сейчас их встречает электрошарманщик с щедрым набором воровского шансона (видимо, это живая традиция тюремного замка!), а мог бы встечать малиновый колокольный перезвон. Наверняка многие даже не слишком боговерные пары, оказавшись здесь, захотели бы и венчаться (называется сие "эффектом места"). Но увы - теперь об этом можно говорить лишь в теории. Показательно, между прочим, что своего рода символом газеты "Кузнецкий рабочий" как был избран в начале 1990-х образ поздней крепостной башни в том виде, в котором его помнят горожане, так он остаётся и по сей день, невзирая на его полную перелицовку. На мой взгляд, это правильно - даже полуразрушенный, но подлинный символ города куда ценнее наскоро собранного новодела.

Фото из архива автора

Автор: Вячеслав Паничкин